

Отзыв
официального оппонента на диссертацию
Бауэр Татьяна Владимировны
«Представления и практики, связанные с воровством в крестьянской
культуре (по русским, белорусским и украинским материалам
середины XIX — начала XX в.)»
представленной на соискание ученой степени
кандидата исторических наук по специальности
07.00.07 – этнография, этнология, антропология

Диссертационная работа Т.В. Бауэр «Представления и практики, связанные с воровством в крестьянской культуре (по русским, белорусским и украинским материалам середины XIX — начала XX в.)» представляет собой первый в отечественной науке опыт систематического исследования воровства как одного из видов конфликтного взаимодействия в крестьянской культуре. Тема исследования может быть включена в круг проблем, активно изучаемых в последние десятилетия представителями направления, которое условно может быть названо антропологией повседневности. Действительно, несмотря на кажущуюся маргинальность и «анормальность», воровство и противодействие ему помещаются в исследовании в ткань именно повседневной жизни крестьянского сообщества и рассматриваются автором и как особая социальная практика, отражающая структурно-институциональную основу социума, и как один из механизмов ее изменения. Такой подход позволяет рассматривать воровство не как нечто аномальное, или - в терминах авторов «Крестьянской программы В.Н. Тенишева», материалов которой являются одним из основных источников работы, - не как «выходящее из ряда обстоятельства», но как естественный для традиционного сообщества социально-культурный механизм, одновременно и провоцирующий и разрешающий социальную напряженность, и во многом влияющий на структурную динамику крестьянской культуры. Сразу замечу, что в этом смысле достаточно дискуссионным выглядит предположение автора о причинах игнорирования воровства в качестве предмета этнографического изучения, одной из которых является существовавшее «*представление о привычности и обыденности краж, неспособных вызвать ни эмоциональный отклик у обывателей, ни исследовательский интерес*» (с.5). Скорее наоборот, наличие довольно значительного числа работ по обычному праву и этнографических программ по сбору юридических обычаев, регулирующих, в том числе, и отношения, связанные с воровством,

указывает на то, что этот тип конфликтного взаимодействия все-таки являлся предметом исследовательской рефлексии.

Как раз одним из достоинств данной работы и свидетельством ее актуальности является рассмотрение воровства не столько в качестве девиантного поведения и помещения его в ограниченные рамки психологического или сугубо этического характера, сколько в роли важного феномена повседневной социальной жизни крестьянского сообщества. Собственно, на применение такого подхода указывает и сама формулировка названия диссертационного исследования, точнее, использование понятия «практика», если ее понимать, следя классическому определению А. Реквитца, как «*рутинизированный тип поведения, который состоит из нескольких взаимосвязанных друг с другом элементов: форм телесной активности, форм ментальной активности, "вещей" и их использования, фонового знания в форме понимания, ноу-хау, эмоциональных состояний и мотивационного знания*».

Актуальность выбора этой темы в качестве предмета исследования определяется и тем фактом, что до сих пор нет работ, предлагающих полное описание практик и представлений, связанных с воровством в крестьянской среде. Поэтому в представленной работе и предпринимается попытка своего рода тотальной «инвентаризации» и семантического комментирования обрядов и верований, связанных с кражей и образом вора, описания их структуры и функций. Основная цель исследования – «*рассмотрение представлений, лежащих в основе отношения к воровству в деревенских сообществах, и выявление влияния данных представлений на восприятие хищений в рамках обычноправовой системы и на действие обычно-правовых механизмов*» (с.6), - требует применения как семантического, так и функционального методов, а главное, сбалансированного их использования. В целом, сохранить этот баланс при анализе материала автору удалось.

Если можно так выразиться, "кражецентричность" исследования формирует особую оптику взгляда на повседневную жизнь деревни, где воровство предстает едва ли не экзистенциальной основой жизнедеятельности деревенского сообщества, следующего формуле: «*Воруют все и всё*». Понятно, что последнее относится к области дискурса, который следует отличать от практик. Попутно замечу, что, как кажется, автором не всегда четко проводится граница между ними, что в некоторых случаях приводит к противоречивым заключениям. Так, утверждение, что «*тотальная распространенность воровства в пореформенный период... является, с одной стороны, отражением объективной реальности, а с другой – свойственной народному сознанию универсальной мифологемой*» (с.44), вызывает вопрос: это все-таки «объективная реальность» или «мифологема»?

Работа характеризуется достаточно исчерпывающим и систематическим изложением использованного автором богатого эмпирического материала, извлеченного из печатных, архивных и отчасти полевых источников. Действительно, Татьяна Владимировна с любовью привлекает пространные описания различных случаев кражи, которые иллюстрируют то или иное положение. Иногда обилие подобного материала

представляется избыточным, например, в некоторых разделах 2-й главы, посвященной магическим представлениям и практикам, связанным с воровством. Но в целом, внушительный объем задействованных текстов создает надежную основу для анализа изучаемого феномена культуры.

Диссертация интересно читается и производит впечатление добротной, скрупулезно выполненной работой, унаследовавшей из багажа отечественной школы славистики все самое лучшее. Рассмотрение воровства в функциональном, семиотическом, психологическом регистрах позволило автору сделать вывод об амбивалентном отношении крестьян к тайному хищению собственности (с.267), которое определяется не только сочетанием различных обстоятельств кражи и представлениями о характере собственности, но и более общей идеей перераспределения доли. Неоднозначность в крестьянской оценке кражи в свою очередь поднимает вопрос – не звучит ли оксюмороном понятие «хорошего воровства», и вообще, что собственно считать воровством? В самом деле, если случаи хищения государственной собственности, в частности, порубки в казенном лесу; хищения из садов, полей и огородов, охота в чужом лесу и ловля рыбы в чужих водоемах (если эти объекты не принадлежали крестьянам), мелкие хищения и хищения сырых продуктов, таких как лес, хлеб и пр., совершенные у богачей либо людей социально, этнически или конфессионально чуждых, хищения, совершенные из голодной нужды, хищения, совершенные человеком умственно неполноценным, а также находящимся в состоянии сильного опьянения, кража съестных припасов беременной женщиной, хищение, совершенное человеком с безукоризненной репутацией, мелкие «кражи», совершенные солдатами и арестантами и т.д. не считались воровством в обычном праве, то насколько вообще эвристично это понятие? В этом смысле представляется важным заключение автора о том, что обычно-правовая традиция демонстрирует расхождение с официальным законодательством в оценке того или иного вида кражи, то есть, речь идет об одновременном функционировании разных, частично не совпадающих понятий воровства. Другой важный вывод – это выявление взаимоотношений между участниками конфликтного взаимодействия в качестве основного параметра разграничения хищений в обычно-правовой традиции, и выделение по этому признаку семейных, соседских и междеревенских хищений, различающихся по отношению к ним со стороны деревенского сообщества и способам разрешения конфликта.

Одно из достоинств данной работы заключается, как мне представляется, не столько в ответах на поставленные автором задачи, сколько в вопросах, вырастающих из предложенного анализа, несомненно глубокого и вдумчивого, практик и нарративов, связанных с воровством, например: где пролегает граница между социальной нормой и девиацией и насколько она подвижна в крестьянском обществе? как понятие «доли» корреспондирует с личным имуществом человека? каким образом культура регулирует конфликт между пороками индивида и интересами общества? как различается общественное и личное имущество? каков баланс «эктропического» и «энтропического» начал в воровстве? Эти и другие, часто неожиданные, но всегда полезные вопросы,

возникающие по прочтении рецензируемой работы, указывают на ее очевидный эвристический потенциал.

Еще раз хочу подчеркнуть, что работа в целом производит очень хорошее впечатление. Тем не менее, при прочтении текста возникает ряд вопросов и замечаний, некоторые из них можно оценивать как часть научной дискуссии, а другие - рассматривать в качестве советов и пожеланий на будущее.

Во-первых, хотелось бы понять, что именно автор понимает под принципом междисциплинарности, когда в части, посвященной теоретико-методологическим основаниям (с.8), в одном ряду перечисляет этнографию, историю, антропологию права, фольклористику – подходы, методы или что-то еще?

Во-вторых, также в одном ряду упоминаются классики семиотики, придерживающиеся разных представлений о связях между знаками и их референциями – Ч. Пирс и Ф. де Соссюр, например (с.11). Одновременное использование их подходов не всегда корректно, хотелось бы узнать, чей подход больше отвечает задачам исследования.

В-третьих, при освещении степени изученности темы выпали некоторые направления отечественной антропологии права, например, исследования *адата* или обычного права малых народов Сибири. Хотя бы упомянуть их стоило.

В-четвертых, автор при характеристике представлений о воровстве и собственно воре прибегает к этнографическим и фольклорным источникам, в частности, паремиям, иллюстрируя ту или иную мысль, при этом не всегда, как кажется, учитывает специфику паремии как жанра.

В-пятых, несколько путанным, на мой взгляд, получилось вычленение различных типов краж в зависимости от статуса вора и потерпевшего, характера украденного и цели кражи, ее места и времени и прочих обстоятельств. Все эти факторы релевантны по отдельности, но на практике многие из них накладываются и образуют специфические комбинации, которые заставляют каждый случай рассматривать как уникальный.

Высказанные здесь замечания нисколько не умаляют несомненных достоинств работы, ее прочтение заставляет задуматься о вопросах, которые формируют новую перспективу дальнейших исследований механизма конфликтного взаимодействия в крестьянском обществе. Более того, исследование побуждает задуматься о проблемах, уже не связанных непосредственно с воровством. Например, неожиданно всплывает тема *стыда* как концепта, посредством которого появляется возможность опознавать групповые границы сельского сообщества; или, в другом случае, предложенный в работе ракурс рассмотрения воровства открывает новые перспективы в изучении явления, которое получило в современной антропологической литературе название «распределенная личность». Эта черта – провоцировать новые исследовательские вопросы и намечать потенциально перспективные направления движения вперед, довольно редко встречается в работах данного формата, и это лишний раз свидетельствует о профессионализме автора.

Исследование, без сомнения, имеет теоретическую и практическую значимость. В целом, работа производит хорошее впечатление логикой изложения и тонкостью анализа представлений и практик, связанных с воровством. Диссертация Т.В. Бауэр представляет собой полностью самостоятельное и оригинальное исследование, имеющее достоверные научные результаты. Оно содержит существенные элементы новизны и обладает важным теоретическим и практическим значением. Обоснованность научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, не вызывает сомнений. Исследование должно учитываться при последующей разработке соответствующей научной проблематики. Отдельные наблюдения и выводы работы могут быть использованы при подготовке общих и специальных курсов по этнографии народов России, культурной антропологии, истории России. Публикации автора вполне раскрывают основные положения работы. Автореферат достаточно полно передает содержание исследования и его выводы.

Полагаю, что, представленное в качестве кандидатской диссертации исследование Татьяны Владимировны Бауэр на тему «Представления и практики, связанные с воровством в крестьянской культуре (по русским, белорусским и украинским материалам середины XIX — начала XX в.)» отвечает требованиям пп. 9-10 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» от 24 сентября 2013 года № 842 (в редакции от 1 октября 2018 г.), предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата исторических наук, а его автор заслуживает присуждения искомой степени по специальности 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология.

Заведующий отделом этнографии русского народа

Российского этнографического музея

кандидат исторических наук

Баранов Дмитрий Александрович

Адрес места работы:

г. Санкт-Петербург, улица Инженерная, д. 4/1,

Телефон: +7(812)570-57-68

Эл. почта: dmitry.baranov@list.ru

25.09.2019

Подпись руки Д.А. Баранова удостоверяю

помощник директора М.В. Воронова

